

ПИСЬМА ВАЦЛАВА СТРОНЬСКОГО К ЗОЕ ХОРУЖЕНКО В ФОНДЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В ПЁТРКУВЕ ТРИБУНАЛЬСКОМ

Выявленные в Государственном Архиве в Пётркуве Трибунальском письма Вацлава Строньского – активного коммунистического деятеля и высокопоставленного государственного служащего Украинской Социалистической Советской Республики к своей любимой – Зое Хоруженко, которые впервые вводятся в научный оборот, представляют собой особый, уникальный вид исторического источника.

В фонде Повятовое Староство Петркувское 1919-1939 находятся несколько писем и две телеграммы. Это личная корреспонденция, которая характеризует отношение Вацлава к Зое. Однако, читатель не увидит типичной переписки влюбленных. Она скорее показывает несчастливую любовь мужчины к женщине, в которой увлечение уступает место чувствам разочарования и неудачи, а любовь – горечи и тоске.

Ключевые слова: Вацлав Строньский, Зоя Хоруженко, II Речь Посполита, Украинская Социалистическая Советская Республика, Государственный Архив в Пётркуве Трибунальском.

Вацлав Строньский родился 17 (29) января 1879 года в Зомбковице (в то время повят бендзиньский пётркувской губернии) в семье Яна и Михалины Твардовской [1, л. 752-753]. Ян Строньский, по профессии государственный служащий, обеспечил своим детям превосходное образование. Вацлав окончил Гимназию в Пётркуве и Ветеринарный Институт в Варшаве. Диплом молодой Строньский защитил в Харькове. На украинской земле застали его военные события. Во время эвакуации в 1915 году уехал в псковскую губернию, где устроился на работу в должности ветеринара. В 1920 году Главное Ветеринарное Управление назначило его уполномоченным Народного комиссариата земледелия (Наркомзема) по делам крупного скота на Украине. В рамках новой должности ему была поручена организация Главного Ветеринарного Управления при Наркомземе Украины. В следующем году, благодаря его организаторским способностям и опыту, Строньскому поручили организацию Главного Управ-

ления Государственного коннозаводства и коневодства Украины [2, л. 220; 3, с. 5].

В этом же периоде встретил Зою Хоруженко при трагических обстоятельствах, о которых ниже.

Вторая *dramatis personae*, Зоя Хоруженко, дочь Македония и Ольги Клочковых, родилась примерно в 1893 году. Её муж, Александр Хоруженко, был полковником российской армии и квартировал в Варшаве. Во время Первой мировой войны, в связи с мобилизацией, семья Хоруженко отправилась в Киев. Сразу после войны, опасаясь репрессий со стороны большевиков, они покинули Украину и переехали в Константинополь, а затем в Ялту. После оккупации Крыма большевиками, летом 1920 года Александр Хоруженко как царский офицер был арестован, а затем расстрелян. От похожей судьбы сберег Зою Вацлав Строньский, протекция которого помогла ей не только освободиться из тюрьмы, но и отправиться в Киев к своей матери, а потом в Ровно и Варшаву [2, л. 235-236].

Со времени «разлуки» Зои и Вацлава сохранилось несколько писем, отправленных на варшавский и ровенский адрес Хоруженко. В первом из них Васлав сообщал: «Пишу Тебе в вагоне между Харьковом и Киевом. Ездил в Харьков первый раз после Твоего отъезда. Имею массу неприятностей. Один агент растратил 20 миллиардов рублей [...]. Не знаю, чем дело кончится для меня. Вообще хожу как сумасшедший и от тоски к Тебе и от дел обоих и как нет слов для выражения того как я Тебя хочу видеть, то все таки пока воздержись с приездом до моей телеграммы. [...] Документы Тебе отправил в Ровно на имя представителя Украинско-Польской делегации в Ровно – Сафонюка. Получила ли Ты 8 моих писем[?] Последнее с карточками на Варшаву, 4 письма были на имя Прохорова, 4 на имя Корниевского. Послал Тебе на имя Корниевского кольцо рубин, осыпанный мелкими бриллиантами и сверху в виде 3 триер бриллианта, Заплатил за него миллиард, Так Ты должна получить не менее 600 000 марок. Напиши, за сколько Ты его продала. Только не храни так как кольца» [2, л. 1-4].

Эти же события Зоя описывала следующим способом: «Уезжая из Киева свою квартиру и все вещи оставила Строньскому. Уехала из Киева для того, чтобы порвать все отношения со Строньским, которого ненавидела как большевистского деятеля. Когда я приехала в Ровно, Строньский начал мне слать очень много писем, умоляя, чтобы вернулась к нему обратно. Не получая от меня ответа на письма, написал большевистскому представителю в Ровно, какому-то Сафронику, чтобы тот официально отправил меня в Киев как его жену, называя себя моим мужем Хоруженко. Я решительно утверждаю, что ни церковной ни гражданской женой Строньского я никогда не была и не буду. После отъезда из Киева написала Строньскому, кажется, два письма о делах чисто хозяйственных. После моего отъезда, Строньский в Киеве продал вещи моей матери. Полученные деньги в размере

90 долларов отправил ей. Также через кого-то отправил мне оставленное там мое кольцо» [2, л. 236-237].

Не получая ответов на свои многочисленные письма, в январе 1923 года Строньский сделал первую попытку, чтобы въехать на территорию Польши с целью, как писал, встречи с умирающим отцом или, как утверждала Хоруженко, встречи с любимой. В протоколе от 24 февраля 1923 года писал: «в связи с тем, что я занимал весьма ответственные посты знаю внутреннюю советскую жизнь, а также ответственных должностных лиц, в том числе народных комиссаров, [...] имею контакт с высшим военным командованием, которое встречал часто на сессиях по мобилизации лошадей, знаю лично и высокопоставленных представителей штаба и разведки, знаю также [...] экономическую жизнь украинской деревни, настроение украинского крестьянина и [...] методы склонения украинского крестьянина к коммунизму [...] я был для них [польских властей – КПД] человеком, приезд которого в Польшу был нежелательным» [2, л. 221].

Таким образом, понимая трудности выезда из Украины, предпринял шаги к пересечению границы нелегально. Предпринятые действия обратили внимание польского командования Округа XIV Государственной полиции, в котором установили контакт с Повятовым Старостом Пётркувским. Староство, как орган государственной администрации, контролировал и регистрировал перемещение населения в районе повята, а также регулировал вопросы безопасности [4, с. 247-248]. Пётркувская служба охраны порядка, обращая особое внимание на политические взгляды Строньского, всякими возможными способами старалась выяснить настоящую цель его приезда в Польшу [5, с. 151].

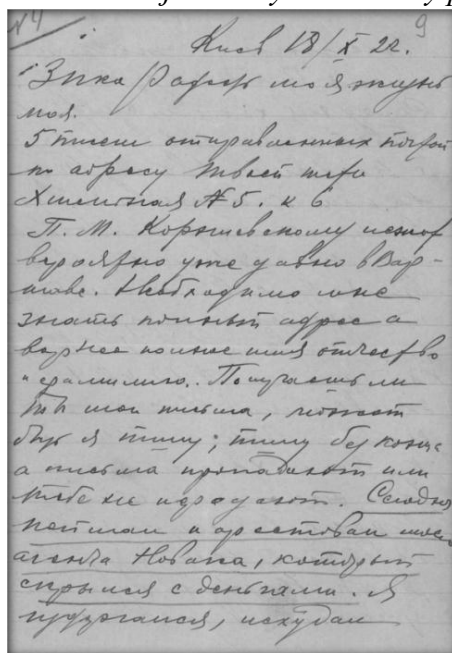
Ниже представлены три письма Вацлава Строньского к Зое Хоруженко из фонда *Повятового Староства Пётркувского 1919-1939 (Starostwo Powiatowe Piotrkowskie 1919-1939)* Государственного Архива в Пётркуве Трибунальском. Они попали в Архив в виде

приложения к протоколу ревизионной комиссии. Из сохраненной документации следует, что 6 марта 1923 года в 10.20 в квартире Александры Ключков на улице Фольварчной 5, в которой проживала Хоруженко, появился с целью «отыскания нелегальной печати» сотрудник Государственной полиции Викентий

Церлиньский. Вследствие отказа в добровольной выдаче искомых материалов полицейский приступил к ревизии [2, л. 224, 225]. В результате была изъята необходимая для дальнейшего расследования частная переписка, фрагменты которой впервые вводятся в научный оборот.

Письмо № 1. APPT, *Starostwo Powiatowe Piotrkowskie 1919-1939,*

[*Wacław Stroński, uciekinier z radzieckiej Ukrainy – materiały policyjne*], sygn. 175, k. 9-12.

Зина, радость моя, жизнь моя.

5 писем отправленных почтой по адресу твоей тети Химичная (Хмельная) № 5 кв. 6 П. М. Корниевскому лежат, вероятно, уже давно в Варшаве. Необходимо мне знать почтовый адрес, а вернее полное имя, отчество и фамилию. Получаешь ли ты мои письма, может быть, я пишу, пишу без конца, а письма пропадают или Тебе не передают. Сегодня поймали и арестовали моего агента Новапа, который скрылся с деньгами. Я исхудал, пожелтел. Меня бы Ты не узнала. Сегодня ходил смотреть Твой портрет вместе с Постниковым, Ты на нем как живая. Удивительно хорошо прямо на редкость Ты там выглядишь. С Янком, почему-то, произошла задержка, еще не выехал. На Смукой улице № 10 кв. 1 живет моя двоюродная сестра Ванда Шимановская. Если хочешь, зайди, там же живет ее сестра Ирена Бялецкая. Сходи, поболтай, они будут очень рады. [...].

Зинусь, если нет денег, продавай все [в том числе – КПД] цепочку, кольцо. Эх, как бы мне Тебе переслать туда. Возможно, что перешлю через Украинскую миссию т. е. через Наркоминдел Украинской миссии в Варшаве. Тогда вызовут Корниевского и выдадут ему, но вопрос каков этот дядька, передаст ли он Тебе все. Хлопчи всемерно о выезде, я тоже тут предпринимаю меры, чтобы послать Тебе необходимые документы. В Варшаву я отправил Тебе 56 страниц моего дневника с двумя поздравительными карточками, в четверг едет кто-то из Наркоминдела и, возможно, с ним отправлю Тебе и деньги. Возможно, в Ровно на имя Прохорова, куда уже отправил одно письмо, а, возможно, в Варшаву тётке.

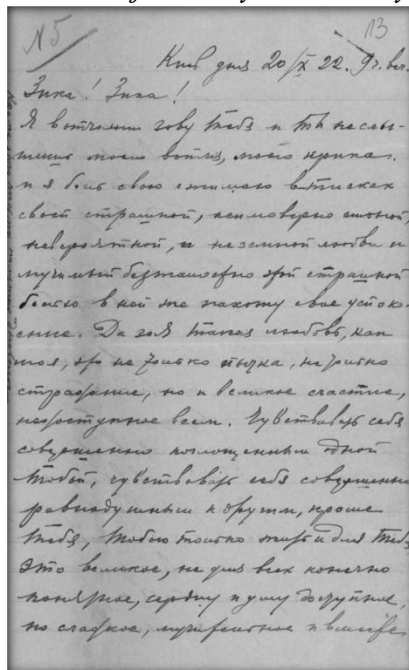
Целую Тебя крепко всю и Альку дорогого моего.

Твой, Твой навсегда, Вацка

Письмо № 2.

APPT, Starostwo Powiatowe Piotrkowskie 1919-1939,

[Wacław Stroński, uciekinier z radzieckiej Ukrainy – materiały policyjne], sygn. 175, k. 13-16.

Зина! Зина!

Я в отчаянии зову Тебя и Ты не слышишь моего вопля, моего крика. И я боль свою сжимаю в тисках страшной, невероятно сильной, невероятной, неземной любви и мучимый безжалостно этой страшной болью. В ней же нахожу свое успокоение. Да, Зоя, такая любовь как моя, это не только пытка, не только страдание, но и великое счастье недоступное всем. Чувствовать себя совершенно равнодушным к другим, кроме Тебя, Тобою только жить и для Тебя – это великое, не для всех, конечно, понятное, сердцу и уму доступное, но сладкое, мучительное и вместе с тем какое-то особенное сверхъестественное наслаждение и счастье.

Ходил в длинные вечера по комнате, ходил целые часы, анализировал Тебя духовно и физически. Не видеть, не слышать ничего, никого кроме Тебя, быть довольным, когда мне не мешают часами смотреть на Твой портрет. Вот единственное мое теперь требование, какое я предъявляю к людям и судьбе. Я после долгих часов такого анализа, такого духовного общения с Тобой падаю совершенно бессильный на кресло и, если

это вечером, так и засыпаю до 3х-4х часов в нем одетый. Словно, какой-то уставший путник, который стремится к намеченной цели, не чуя ног своих, употребляет последние усилия, чтобы к сумракам выйти из лесу к жилым помещениям, но усталость настолько одолевает им, что он в состоянии безразличия склоняется под первым попавшим деревом в том же лесу и, забывая про угрожающую ему опасность, сладко засыпает.

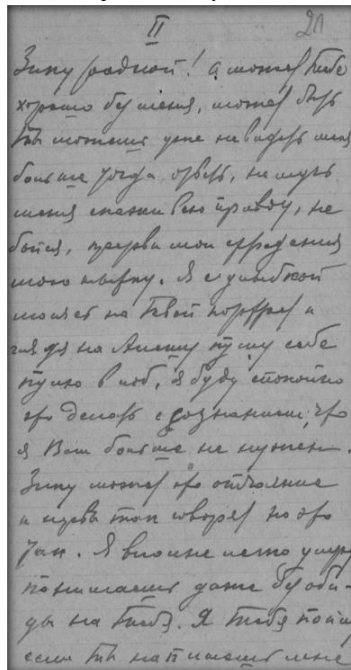
Да Зина, может быть, это сравнение покажется Тебе неудачным, но мои думы, мои планы во время этих размышлений похожи на тот дремучий лес, где путнику под каждым кустом кажется или хищный зверь, или разбойник.

Мысли, что вдруг Тебя больше не увижу, по тем или другим обстоятельствам, мысли, что Ты не решишься приехать, мысли, что тоску Ты свою развеешь и примиришься с положением, и забудешь меня. Наконец мысли, что Ты и Алька не имеете того, что мог бы Вам дать, будь другая нормальная связь, пугают меня ежеминутно, ежесекундно, без перерыва. Кажется я прочел не менее ста раз Твое письмо и я все понял, я понял и

зачеркнутое и незаписанное – все, все положительно. Я понял, что Ты в этом письме думала, что «я и думать забыл». Как Ты пишешь, не была в нем совершенно откровенна. Но я Тебя понял, а кто понял, тот простил.

И вот это бессилие мое помочь Тебе сразу моментально без задержки, так как я это умею делать, меня убивает, сушит мой мозг и делает меня каким-то жалким, бессильным, что я сам себя презираю.

Письмо № 3. АРРТ, *Starostwo Powiatowe Piotrkowskie 1919-1939*,
[Wacław Stroński, *uciekinię z radzieckiej Ukrainy – materiały policyjne*], sygn. 175, k. 21-34.

Зина Родная!

А может Тебе хорошо без меня, может быть, Ты можешь уже не видеть меня. Тогда ответь, не мучь меня, скажи всю правду, не бойся, прерви мои страдания, мою пытку. Я с улыбкой [...] на Твой портрет и глядя на Алешу пушу себе пулю в лоб. Я буду спокойно это делать с сознанием, что я Вам больше не нужен. Зину, может это отчаяние и нервы говорят, но это так. Я вполне легко умру, понимаешь, даже без обиды на Тебя. Я Тебя пойму, если Ты напишешь мне всю правду, Ах, Зину, Зину, как хотелось бы хоть [на] пол часа перед смертью увидеть Тебя и сказать Тебе на прощание несколько хороших слов. Я знаю, Зину, что я Тебя не достоин. Я это понял только теперь. И Ты не удивляйся, если я не получивши от Тебя несколько дней

Вероятно, Ты получила уже 4, а даже 5 моих писем. Телеграмму Ты давно получила. Так отвечай теперь. Ты знаешь, что я Тебя желаю, хочу, хочу страшно и жду, жду, как никто не будет ждать Тебя никогда.

Поцелуй Алешку крепко. Розовые Твои пяточки целую крепко, крепко.

Твой до гроба, Вацка.

писем, пушу себе пулю. Нет сил, не могу, понимаешь. Это такой душевный кошмар, о котором Ты не имеешь представления. Это только мог бы понять человек любящий – так как я, а такого нет второго на свете.

Я Тебе писал, что в дороге встретил В. И. Владыкина, с которым послал Тебе мое кольцо, которое снял с пальца и дал ему для вручения Тебе. Продашь, пригодится. Вот он обещал быть на Химич[ной], вручит под расписку.

Зину, радость моя, сейчас Алина Петр[овна] подала мне от Тебя письмо. В голубом конверте узком Твоей рукой адресованное. Сердце мое неровно билось, как у цыпленка, когда его получил и хоть от радости руки дрожали и [...] не могу, а тут стоят Вал[ентина] Леонидовна и Алина Петр[овна]

и хохочут надо мной. Наконец вскрываю и ничего не могу понять. Опять письмо от 21 IX или это Ты ошиблась. Тогда выходит, что Ты послала в один день 2 письма, а я про это думаю, что это Ты ошиблась в римской цифре и вместо 21 X написала 21 IX. Это вернее, это более на Тебя похоже.

Целый месяц Ты не нашла времени написать мне хоть несколько строчек. А я, я с ума схожу, рыдаю, плачу и наконец получаю письмо из которого не могу понять откуда оно – из Ровно или из Варшавы и неужели Ты тоже за все это время не получила ни одного письма. Боже, я с ума сойду. Но я счастлив, что получил от Тебя весточку, хотя письмо Твое не похоже на мои письма, но все таки хоть знаю, что если Ты и не любишь, то хотя бы оба, мне дорогие, живы. Я ведь один здесь, мое все ушло от меня с Вами и около Вас витает, при Вас, родные, ласка и хотя теснота, но не обида, обида душевная, сердечная, больная. Своим родителям я написал, чтобы они Тебя встретили как мою жену будущую и любили как свою дочь.

Зинусь, почему Ты так мало пишешь. Видно не скучно Тебе. Вероятно, некогда писать, а может и читать моих длинных писем...

Зинусь, родная, какое счастье для меня получить от Тебя письмо, но, увы, Ты их отпускаешь по столовой ложке. Мне что-то чувствуется, что я Тебе больше не увижу. Тебя засосет и втянет та жизнь, Ты постепенно забудешь меня, и я только [...] делаю [...] роковую оттяжку. Я все продам. Переведу деньги Тебе и покончу с собой. Так будет лучше и Тебе.

Потухло электричество, и перерываю письмо. Два часа сидел в темноте и думал, и плакал, и ревел. И пришел к заключению, что какой бы я был счастливый, если бы мог ограничиться таким письмом как Твое – в несколько строчек. В нем нет души, Ты не делишься со мной подробно обо всем: как Твоя хозяйка, у которой Твои вещи, сколько Ты ей заплатила за хранение, как покончили дело, как Ты провела время в Варшаве, даже

жутко становится от Твоего письма. Такие письма всегда пишут, когда некогда, когда очень весело, когда хотят отделаться и исполнить долг любезности. От него не веет теплотой, не дышит желанием поделиться с близким родным Тебе человеком, который ждет этого Твоего письма как примирившийся [...], как воздуха.

Хотел бы читать, читать без конца, и вот, ожидая 2 месяца, получаю две странички, которые бросила как голодному щенку. Хоть бы написала подробно об Альке, как он проводит день, как спит, успокоились ли его нервы, спит ли лучше по ночам, затем о себе – чем болеешь, грудью или чем другим. Ведь это же все меня интересует, волнует. Но нет, не любишь Ты меня и потому так пишешь. Ведь я прочитываю здесь Твои письма, Ты когда скучала не так писала. Но да, правда, тогда Ты его любила. Ну, так скажи, не мучь меня. Скажи, отпусти на тот свет, там люди лучше, ибо их там нет, не мучь, не скандаль, отпусти. Я не могу жить без Тебя, вдали Тебя. Я должен умереть, это моя судьба. Это только мимолетно судьба побаловала меня и сказала довольно. Сказка красивая кончилась. Это был сон и довольно. Чтобы сон повторился, усни опять, но сном мертвых.

Зину, Зину, Ты слышишь, Ты понимаешь ли меня, мое отчаяние, мою тоску. 18 декабря Твои именины. Также как быстро бежит время. В прошлом году я мчался к Тебе на всех парусах из Москвы, вез духи, подарки и Алешке. А в том году... нет, я не могу думать. Я не хочу думать. Мне страшно думать об этом. Я уже дошел до того, что боюсь в темноте оставаться один. Я изрыдался. Я продаю Твой [...] и к именинам Твоим отправляю Тебе 50 или 100 долларов. У нас доллар сейчас 19,5 миллионов, а у Вас 12 тысячей марок.

Вот и купи себе что-нибудь хорошее. Сейчас я реву как ребенок, я реву от злости, что не могу передать Тебе [...], что я не могу быть на Твоих именинах, что не любишь меня. Это видно из Твоих писем, если я здохну, то знай, что это Твоя вина.

Зину, пиши мне. Никаких писем кроме Твоих не получал. Так как, конечно, никто не собирался мне писать. И Ты, конечно, кроме этих двух писем ничего не писала и, пожалуйста, не ври. Знаю я как Ты пишешь. Скоро освобожу Тебя от этой повинности. А как это Ты красиво говоришь: «надо ждать». Изумительно. Напиши мне подробно об

Альке. Кто его больше балует – бабушка или дедушка или [...], как живешь, как проводишь время и кем увлекаешься. А что увлекаешься, это знаю. Так по картам выходит.

Ну, прощай, храни Тебя Господь и Алешку моего дорогого.

Целую. Твой Вацка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, Akta miasta Piotrkowa, Księgi ludności stałej miasta Piotrkowa, ф. 9, д. u/1699.
2. Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, Starostwo Powiatowe Piotrkowskie 1919-1939, [Wacław Stroński, uciekinier z radzieckiej Ukrainy – materiały policyjne], ф. 1, д. 175.
3. Piasta A., Losy Piotrkowian – Wacław Stroński, «7 Dni Tygodnik Regoіnu Piotrkowskiego», 1997, nr 44, s. 5.
4. Piasta A., Starostwo Powiatowe Piotrkowskie (1919-1939) – organizacja urzędu i charakterystyka pozostałości aktowej, «Rocznik Łódzki», 2006, t. LIII, s. 247-256.
5. О населении украинской национальности по материалам Государственного Архива в Петркуве Трибунальском (источниковедческий анализ), «Історичний архів. Наукові студії», ред. Є.Г. Сінкевич, Миколаїв 2014, вип. 13, с. 148-156.

*К. Павелчик-Дура,
Державний архів, м. Лодзь, Республіка Польща*

ЛИСТИ ВАЦЛАВА СТРОНСЬКОГО ДО ЗОЇ ХОРУЖЕНКО В ФОНДІ ДЕРЖАВНОГО АРХІВУ В ПЕТРКУВІ ТРИБУНАЛЬСЬКОМУ

Виявлені в Державному архіві у Петркуві Трибунальському листи Вацлава Стронського – активного комуністичного діяча і високопоставленого державного службовця Української Соціалістичної Радянської Республіки до своєї коханої – Зої Хоруженко, які вперше вводяться до наукового обігу, являють собою унікальний вид історичного джерела.

У фондах Повітове староство Петркувське 1919-1939 знаходяться декілька листів і дві телеграми. Це особиста кореспонденція, яка характеризує ставлення Вацлава до Зої. Однак, читач не побачить типового листування закоханих. Воно скоріше показує нещасливе кохання чоловіка і жінки, в якому захоплення поступається почуттю розчарування і невдачі, а кохання – гіркоті та смутку.

Ключові слова: Вацлав Стронський, Зоя Хоруженко, Друга Оіч Посполита, Українська Соціалістична Радянська Республіка, Державний архів у Петркуві Трибунальському

*К. Pawełczyk-Dura,
Archiwum Państwowe w Łodzi, Poland*

LISTY WACŁAWA STROŃSKIEGO DO ZOI CHORUŻENKO W ZASOBIE ARCHIWUM PAŃSTWOWEGO W PIOTRKOWIE TRYBUNALSKIM

Przechowywane w Archiwum Państwowym w Piotrkowie Trybunalskim listy Wacława Strońskiego – aktywnego działacza komunistycznego i wpływowego urzędnika państwowego Ukrainńskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej do swojej ukochanej – Zoi Chorużenko, które po raz pierwszy zostały oddane do publikacji, stanowią szczególny i unikatowy rodzaj źródła historycznego.

W zespole Starostwo Powiatowe Piotrkowskie 1919-1939 znajduje się kilka listów i dwa telegramy. Ich treść ma charakter prywatny i opisuje uczucie Wacława do Zoi. Czytelnik nie ma jednak do czynienia z typową korespondencją

miłosną niemogących żyć bez siebie kochanków. Są to raczej listy pokazujące niespełnione uczucie mężczyzny do kobiety, w której fascynacja ustępuje uczuciom zawodu, rozczarowania i niespełnienia, a miłość rozgoryczeniu i tęsknocie.

Słowa kluczowe: *Wacław Stroński, Zoja Choruzhenko, II Rzeczpospolita, Ukraińska Socjalistyczna Republika Radziecka, Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim*

Рецензенти: *Сінкевич Є. Г.*, д-р іст. наук, проф.;
Смолінський А., д-р іст. наук, проф.

© Павельчик-Дура К., 2015

Дата надходження статті до редколегії 23.01.2015